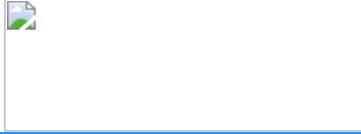

ДИАЛОГ С ЗЕРКАЛОМ

Артур Д. Гусев

**Russian Gothic Page - Dark Mood Literature - Modern -
Prose - Г. Г. Маркес - Диалог с
зеркалом.....**
**.....готика, проза, поэзия, литература, стихи, рассказы,
ужасы, фантаст...**

<http://www.gothic.ru/literature/modern/prose/markes/mirror.htm>

Диалог с **зеркалом**

Жил некогда человек, который, проспав долгие часы сном праведника, забывшего о заботах и тревогах недавнего рассвета, проснулся, когда солнце было уже высоко и городской шум наполнял — всю целиком — комнату, дверь в которую была приоткрыта. Опять ему на ум пришла — таково было состояние его духа — неотвязная мысль о смерти, о всеобъемлющем страхе, о том комке глины, частью которого стал его брат и которая, должно быть, уже забила ему рот. Однако веселое солнце, освещавшее сад, переключило его внимание на жизнь более обычную, более земную и, может быть, менее реальную, чем его пугающая внутренняя жизнь. Это был обычный человек, заезженная рабочая скотина, который волей-неволей знал — не говоря уже о том, что у него расшатанная нервная система и увеличенная печень, — ему никогда не спать сном добропорядочного буржуа. Он вспомнил о финансовых головоломках, которыми занимался на работе, — в них, в этой числовой путанице, было что-то от старой доброй математики.

Двенадцать минут девятого. Наверняка опоздаю. Он провел по щеке кончиками пальцев. Шершавая кожа, покрытая однодневной щетиной, показалась ему на ощупь жесткой. Потом ладонью, с отсутствующим видом, тщательно ощупал лицо — спокойно и уверенно, как хирург, знающий, где расположена опухоль — убедился, что, если немного нажать на эластичную поверхность, можно обнаружить твердую субстанцию некой истины, которая порой тревожила его. Там, под пальцами — и еще глубже, там, где кости, — крепкое анатомическое строение хранило неизменный порядок всех его составляющих, вселенную переплетенных тканей, маленьких миров, которые поддерживали снизу доверху каркас из мяса, менее постоянный, чем естественное и окончательное расположение костей.

Да. Уйдя с головой в мягкую подушку, удобно устроив тело так, чтобы отдыхали все его органы, он ощущал, что у жизни горизонтальный привкус и что эта позиция — самая удобная для его принципов. Он знал: стоит смежить веки, долгая, утомительная работа, поджидавшая его, станет казаться чем-то простым, не зависящим от времени и пространства; совсем необязательно, выполняя эту работу, причинять хоть малейшее неудобство этому соединению химических элементов, которым является его тело. Напротив, если вот так смежить веки, будет происходить огромная экономия жизненных ресурсов, будет полностью исключен органический износ. Его тело, погруженное в глубину снов, могло бы двигаться, жить, развиваться в другие формы существования материи, которыми располагает реальный мир, потому что этого хочет его внутренний мир, яркий мир его эмоций, — более того, развиваться в такие формы существования, благодаря которым потребность жить была бы полностью удовлетворена без всякого ущерба для физической оболочки. И тогда куда более легкой была бы задача сосуществования с людьми и предметами, причем жить можно так же, как в реальном мире. Такие действия, как бритье, поездка в автобусе, математические уравнения на работе, во сне осуществляются просто и легко и оставляют по себе то же чувство внутреннего удовлетворения.

Да. Лучше было проделать это своеобразно — так, как он делал раньше: надо найти в освещенной комнате **зеркало**. Он уже было взялся за дело, но в этот момент грузовая машина, тяжелая и нелепая, разрушила хрупкую субстанцию охватившего его сна. Когда он снова вернулся в мир условностей, все показалось ему более сложным. Однако необычная теория, так его разнежившая, сузила границы понимания, и из глубин существа он почувствовал, как его рот сдвигается куда-то в сторону, и это означает непроизвольную улыбку. Но хотя и с отвращением, он, в глубине души, продолжал улыбаться. «Надо побриться, я должен быть во всеоружии через двадцать минут». Умыться — восемь, если бриться быстро — пять, завтрак — семь. Противные лежалые сосиски. Магазин Мабель — приправы, выпечка, лекарственные препараты, ликеры; это похоже на чей-то ящик, я знаю чей, — забыл слово. (Автобус по вторникам ломается и опаздывает на семь минут.) Пендора, Нет, Пельдора. Не так. Всего полчаса. Времени нет. Забыл, как называется ящик, где есть все на свете. Педора.

Начинается на «п».

Стоя в ванной комнате в халате, заспанный, растрепанный и небритый, он бросил недовольный взгляд в **зеркало**. Слегка вздрогнул, поняв, как похоже то, что он увидел в **зеркале**, на его умершего брата, когда тот вставал по утрам. То же усталое лицо, тот же взгляд еще непроснувшегося человека.

Он изменил выражение лица, чтобы на отражение в **зеркале** стало приятно смотреть, однако **зеркало** вернуло ему — вопреки желанию — насмешливую мину. Вода. Горячая струя хлынула булькающим потоком, и облако густого белого пара поднялось между ним и **зеркалом**. И тут, заполнив образовавшийся перерыв быстрыми движениями, удается привести к согласию внутреннее время и время внешнее — подвижное, словно ртуть. Из облака выступили острые края холодной, как мороженое, металлической пряжки ремня для бритья; когда облако рассеялось, **зеркало** показало ему другое лицо — лицо, затуманенное физическим удовольствием и математическими законами, следуя которым геометрия по-новому определяла объем и конкретную форму света. Там, напротив себя, он видел лицо, биение пульса, удары собственного сердца этого другого «я», он видел его меняющееся выражение — серьезность, приветливую и насмешливую одновременно, выглядывающую из влажного стекла, которое еще удерживало в себе пар.

Он улыбнулся. (Он улыбнулся.) Он показал — самому себе — язык. (Он показал — тому, кто на самом деле — язык.) У того, в **зеркале**, язык был разбухший, с желтым налетом. «У тебя неважно с желудком», — поставил он диагноз (молча — просто показал жестом) и сделал гримасу. Снова улыбнулся. (Снова улыбнулся.) Но теперь он заметил нечто глупое, искусственное и фальшивое в улыбке, которую ему вернули. Он пригладил волосы (он пригладил волосы) правой (левой) рукой, чтобы тут же вернуть обратно виноватый взгляд (и исчезнуть). Его самого удивляло, что он стоит перед **зеркалом** и гримасничает, как придурок.

Однако он подумал, что все перед **зеркалом** ведут себя именно так, и от этого возмущился еще более, поскольку тогда получалось, что весь мир состоит из придурков и он только вносит свою лепту в самое обычное придурочное дело. Восемь семнадцать.

Он знал, надо поторопиться, если он не хочет распрощаться с агентством. С агентством, которое с некоторых пор превратилось для него в место отправки на собственные ежедневные похороны.

Мыльная пена, взбитая кисточкой, превратилась в мягкую голубоватую белизну — и это вернуло ему все его тревоги. На какой-то момент мыльная жижа растеклась по лицу, заполнила паутинку артерий и облегчила работу всех жизненных механизмов... Так что, вернувшись к привычным мыслям, он решил: в намыленных мозгах скорее найдет слово, с которым хотел сравнить магазин Мабель. Пелдора. Барахло Мабель. Палдора. Приправы или аптекарские товары. Или и то и другое: Пендора.

Пены в мыльнице было вполне достаточно. Однако он продолжал как одержимый взбивать ее кисточкой. От созерцания мыльных пузырей он развеселился, как большой ребенок, — такое же надрывное веселье, через силу, бывает, когда пьешь дешевый ликер. Еще одно усилие в поисках нужных звуков — и слово вспыхнуло, созревшее и яростное; выплыло на поверхность густой мутной воды из его неподатливой памяти. Но и на этот раз, как раньше, разрозненные и разобщенные куски единого целого не соединились столь точно, чтобы

достичь органического единства, и он уже был готов навсегда отказаться от этого слова:
Пендора!

Пора было бросить эти бесполезные поиски — оба подняли глаза, и взгляды их встретились, — его брат-близнец мягкими и точными движениями левой руки, в которой он держал намыленную кисточку, начал покрывать подбородок бело-голубой прохладной пеной — он делал то же самое правой, — пока не намылил щеки. Он отвел глаза, и геометрическое расположение часовых стрелок предложило ему решение еще одной беспокоящей его теоремы: восемь восемнадцать. Всему виной его медлительность. С твердым намерением кончить бриться как можно скорее он, оттопырив мизинец, крепко взялся за бритвенное лезвие.

Прикинув, что побреется за три минуты, он поднял правую (левую) руку на высоту правого (левого) уха — отметил мимоходом, что нет ничего более трудного, чем бриться так, как это делает человек в **зеркале**. Он произвел серию сложнейших подсчетов, намереваясь вычислить скорость света, который, чтобы воспроизвести каждое его движение, почти мгновенно проделывает путь туда и обратно. Но эстет, живший в нем — несмотря на борьбу приблизительно равных сил, что продолжалась во времени, равном квадратному корню скорости, которую он пробовал узнать, — победил математика, и мысль человека от искусства двинулась навстречу наблюдениям над лезвием, которое окрашивалось в зеленый, голубой или белый цвет в зависимости от светового луча. Быстро — оставив в покое и математика, и эстета — он провел лезвием по правой (левой) щеке до меридиана губ и с удовлетворением отметил, что левая щека изображения, окаймленная хлопьями пены, видится чисто выбритой.

Он еще не успел стряхнуть пену с лезвия, как из кухни донесся острый запах жаркого. Под языком у него защипало, и он почувствовал, как рот наполняется легкой тонкой слюной с сильным привкусом растопленного масла. Жареные почки. Наконец-то от него отцепился приставший было магазин Мабель. Пендора. Тоже нет. Бульканье почек в соусе донеслось до его слуха, и тут же вспомнилась барабанная дробь дождя, совсем недавно, на рассвете, — так похоже по звуку. А потому надо не забыть надеть боты и плащ. Почки под соусом. Никакого сомнения.

Из всех его органов чувств ни один не вызывал такого сильного недоверия, как обоняние. Но над всеми пятью чувствами, в том числе и над вкусовыми ощущениями, которые радовали только слизистую оболочку рта, в тот момент главенствовала необходимость как можно скорее закончить бритье. Это и было самой насущной необходимостью всех органов чувств. Точными и легкими движениями — математик и эстет, оба показали друг другу зубы — он повел лезвие от себя (к себе) назад (вперед), до левого (правого) уголка губ, и в это же время левой (правой) рукой поглаживал кожу, смягчая прикосновение металлического лезвия, от себя (к себе) назад (вперед) и сверху (сверху) вниз, заканчивая — оба при этом уже задыхались — одновременную для обоих работу.

И вот, уже закончив, похлопывая себя по левой щеке правой рукой, он вдруг увидел в **зеркале** собственный локоть. Локоть показался ему странно большим, неузнаваемым, а выше, вздрогнув, он увидел чужие глаза, тоже большие и тоже неузнаваемые, вытаращенные глаза, искавшие бритву. Кто-то пытался убить его брата. Могучей рукой. Кровь! Так всегда бывает, когда торопишься.

Он ощупал лицо пальцами — искал порез; однако пальцы не оказались запачканными кровью: искать порез дальше смысла не было. Он испугался. На его лице порезов не было, но там, в **зеркале**, у двойника кровь на лице была. Омерзительное чувство тревоги, что появилось нынешней ночью, в глубине его создания становилось реальностью. Сейчас, перед **зеркалом**, у него снова появилось ощущение раздвоения личности. Он посмотрел на подбородок (круглый; лица их были одинаковы, неотличимы одно от другого). Эта щетина около ямки на щеке — ее нужно сбрить. Ему показалось, что торопливый жест его изображения, пожалуй, был несколько судорожным. Разве может быть, даже учитывая быстроту, с которой он побрился, — математик полностью овладел ситуацией, — что скорость света не успевает зафиксировать каждое движение? Мог он, торопясь, опередить изображение в **зеркале** и побриться раньше него? А может быть — и тут человек от

искусства, после короткой борьбы, вытеснил математика,— изображение живет собственной жизнью, оно решило — чтобы жить в своем времени — закончить работу позже, чем это сделает человек во внешнем мире?

Охваченный беспокойством, он открыл горячую воду и почувствовал, как поднимается теплый густой пар, а когда стал умываться, в ушах у него звучало какое-то горловое бульканье. Прикосновение к коже свежeweыстиранного, слегка шершавого полотенца вызвало у него глубокий вздох удовлетворения, словно у вымывшегося животного. Пандора! Вот это слово: Пандора.

Он с удивлением посмотрел на полотенце и в тревоге закрыл глаза, а между тем человек в **зеркале** рассматривал его большими удивленными глазами, и на щеке его была видна багровая царапина.

Он открыл глаза и улыбнулся (улыбнулся). Все это было уже неважно. Магазин Мабель — это ящик Пандоры.

Теплый аромат почек под соусом достиг его обоняния, на этот раз запах был очень настойчивым. И ему стало хорошо — он почувствовал, как в душе у него воцаряется благостный покой: злая собака тайников его души завияляла хвостом.

1949

OCR: Birdy

Написать нам --- 10 9 8 7 6 5 4 3 2 1

Конференция

(c) Russian Gothic Project

Новый запрос:

Найти!

О нас: [Апорт](#), [Агама](#) | [Вебмастеру](#) | [Добавить URL](#) | [Удалить URL](#) | [Заменить URL](#) | [Реклама на Апорте](#)

RLE Banner Network